

ДВА ДНЯ ДО ТЕБЯ

Инжель Аблялим

Два дня до тебя

«Автор»

2026

Аблялим И.

Два дня до тебя / И. Аблялим — «Автор», 2026

Англия, 1819 год. Эпоха Регентства, балы, письма и тайны. Энтони Лиммертон и Мия Аблингтон — друзья детства, чья любовь расцвела в подростковом возрасте. Но их счастью не суждено было продлиться долго. Переписка между ними была прервана, но Энтони не знает, что его письма никогда не доходили до Мии. Он думает, что она просто перестала отвечать. Четыре года спустя он возвращается в Лондон — на бал, где должна появиться Мия, уже почти ставшая женой другого. Он хочет понять, почему она замолчала. Она думает, что он её предал. Сможет ли правда о прошлом разрушить планы Теодора? И готовы ли они оба услышать то, что скрывалось за молчанием все эти годы?

© Аблялим И., 2026

© Автор, 2026

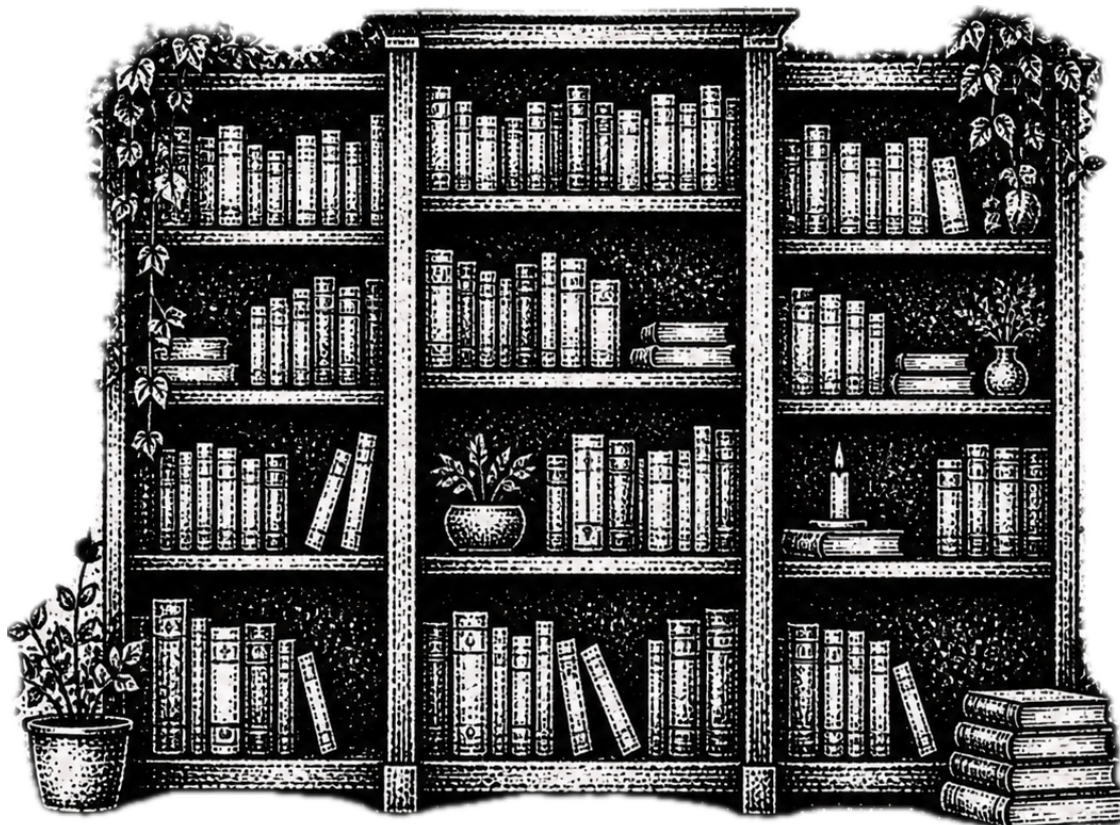
Содержание

Пролог.	5
Глава 1	8
Глава 2.	12
Глава 3	18
Глава 4.	26

Инжель Аблялим

Два дня до тебя

Пролог.

Лондон, 1813 год.

Библиотека в особняке Аблингтонов пахла воском, старыми книгами и тайнами. Именно здесь, за высоким резным креслом у камина, укрывшиеся одним мягким пледом, леди Мия Аблингтон и лорд Энтони Лиммертон, будущий виконт Лиммертон, строили свои воздушные замки. Их сдержанный смех был слышен лишь портретам предков, снисходительно взиравших на них со стен.

Судьба так распорядилась, что они появились на свет с разницей в два дня, им было по восемь лет, и Мия с гордым достоинством напоминала Энтони, что она старше, а значит мудрее. Он, будущий виконт с этим не спорил - ему было куда важнее, что именно с ней можно было делиться самыми нелепыми фантазиями. Их матери, леди Люси Аблингтон и леди София Лиммертон, были неразлучными подругами с пансионских лет. Дружба матерей естественным образом перешла к их детям, и с тех пор Мия и Энтони были друг для друга как брат и сестра, только лучше.

Мия, светло-русая девочка с большими голубыми глазами, зажала руку у рта, пытаясь сдержать новый приступ смеха.

— А представь, — шептала она, — что леди Престон, вся такая важная, пришла на бал... а на ее огромном парике свили гнездо самые настоящие соловьи!

Энтони, темно-русый мальчик с насмешливыми зелеными глазами, фыркнул:

— И они бы пели! Громче, чем оркестр! А она бы кланялась, думая, что все аплодируют ее новой прически! — И они оба разразились смехом.

Пока в библиотеке зарождался новый приступ безудержного веселья, в гостиной царил другая атмосфера. Две женщины, бывшие красотой и мудростью всего лондонского света, наслаждались обществом друг друга. Леди Люси Аблингтон, чьи светлые волосы и зеленые глаза являли собой образец изящной аристократичности, с мягкой улыбкой слушала подругу. Ее доброта и спокойная рассудительность делали ее сердцем и совестью их круга. Напротив нее, подобно ожившей драгоценности, сидела леди София Лиммертон. Густые темные волосы отемняли ее изумрудные глаза, в которых прятались и остроумие, и бездонная доброта, а бледность ее кожи только добавляла им глубины и яркости.

— И только подумай, — говорила Леди София. — бедная Энн теперь вынуждена продать свой жемчуг!

-Жемчуг! - Леди Люси покачала головой, и в ее взгляде читалась не осуждение, а легкая печаль. - Это так печально. Надеюсь, свет окажется к ней милосерднее, чем карты к ее мужу.

Пока в гостиной обсуждали все самые свежие новости Лондона, миссис Прат никак не могла найти двух маленьких негодников.

— Ты только представь ее лицо — со слезами от смеха говорил Энтони — когда она поймет, что хлопают не ей, а каким-то птицам на ее голове — его детский смех прозвучал громче, чем следовало.

Их мирок безудержного веселья просуществовал недолго. Дверь в библиотеку бесшумно отворилась, и в проеме возникла миссис Прат, гувернантка Мии. В отличие от суровых наставниц из других семей, ее лицо озаряла добрая улыбка, но сейчас на нем читалась легкая озабоченность.

— Леди Амелия? - миссис Прат предпочитала называть Мию полным именем, как того требовала ее установленные правила этикета. — Лорд Энтони? - ее голос был мягким, но настойчивым. — Я, кажется, знаю, где искать моих заблудших птенцов.

Двое детей, будто по команде, скинули с себя плед и встали, приняв безупречные позы. Мия сложила руки на колени, а Энтони выпрямил спину, стараясь выглядеть солидно.

— Мы просто... читали, миссис Прат, - сказала Мия, глядя на нее с наивной надеждой.

Миссис Прат вздохнула и в уголках ее глаз заплескали морщинки. Она прекрасно видела, что ни одной книги рядом нет.

— Я не сомневаюсь, дорогая. Но даже юным леди и джентльменам - она улыбнулась Энтони. — читающим самые увлекательные книги, полагается ужинать. — Она подошла ближе и поправила выбившийся прядь светлых волос Амелии. Ее взгляд стал серьезнее. — Вы должны помнить о приличиях. Ваши матушки будут недовольны, узнав, что вы уединились. Свет не прощает таких вольностей, даже детям. Пойдемте.

Они послушно покинули библиотеку и направились в гостинную.

— Прошу прощения, миледи, - обратилась миссис Прат, — но кажется, я нашла наших юных исследователей. В библиотеке.

Леди Люси подняла на детей внимательный взгляд.

— Мия, - ее голос был спокоен и ласков, но не допускал возражений. — Я полагала, ты учишь стихи.

— Мы читали, мама! — тут же выпалила Мия.

— Да, - поддержал Энтони, стараясь выглядеть как можно более почтительно. — Мы... читали вслух.

— О, неужто? - тут же отозвалась леди София, и в ее зеленых глазах заплясали веселые искорки. — И какую же захватывающую книгу вы на сей раз изволили изучать, сын мой? Сборник придворных этикетов?

Энтони покраснел, но удержался от ответа, зная, что мать поддразнивает его беззлобно.

Леди Люси мягко вздохнула и поднялась с места.

— Чтение - занятие похвальное, - сказала она, подходя к детям. — Но даже ему следует предаваться в подобающие время и в подобающем месте. Лорд Энтони, я думаю, твоя матушка уже ждет тебя. — Она перевела взгляд на подругу. - София, ты не против, если он останется на ужин? А то мы уже их прервали, давайте хоть этим порадуем.

— Конечно, Люси. — Леди София улыбнулась. — Иначе они весь вечер будут строить обиженные лица, а это вредно для пищеварения.

Когда миссис Прат с поклоном удалилась, чтобы распорядиться о дополнительном приборе, леди Люси положила руку на плечо дочери.

— Дикарка моя. — тихо и с нежностью сказала она. — Ты должна понимать, что для света даже невинность может выглядеть как вольность. Вы с Энтони - не просто дети. Вы часть наших семей, нашего общества, и ваша дружба - это прекрасно, но ее нужно оберегать от дурных толков.

Мия кивнула, не до конца понимая эти сложные взрослые правила. Но проходя мимо Энтони в столовую, она успела встретиться с ним взглядом. Он быстро подмигнул ей, и в ее сердце снова потеплело. И все эти странные слова про «вольность» и «толки» не имели никакого отношения к их настоящей, прочной как мир тайне, скрепленной смехом в полумраке библиотеке.

Глава 1

Лондон, 1819 год.

Шесть лет пролетели, как один миг, наполненный уроками музыки, танцами, изучением языков и все теми же тайными встречами в библиотеке, которые, к обоюдной радости Мии и Энтони, так и не были раскрыты.

В гостиной особняка Аблингтонов царил уютная, почти идиллическая атмосфера позднего субботнего вечера. Леди Люси сидела на шелковом диване, погруженная в чтение новой книги. Лучи заходящего солнца играли в ее светлых волосах, делая ее образ еще более безмятежным. У ее ног, на толстом персидском ковре, возилась со спаниелем по кличке Принц, четырнадцатилетняя Мия. Девочка-подросток обещала стать настоящей красавицей. Детская округлость щек уступила место изящным чертам, светлые волосы, собранные в небрежный узел, отливали золотом, а голубые глаза казались еще больше и выразительнее. Она была одета в простое, но элегантное домашнее платье, и каждое ее движение было исполнено той грации, которую годами прививала ей миссис Прат. Дверь в гостиную отворилась, и в комнату вошел лорд Артур Аблингтон, отец Мии. Его появлению всегда вносило в атмосферу дома нотку спокойной уверенности.

— Люси, дорогая, Мия, — начал лорд Аблингтон, поправляя манжеты. — У меня есть новости. В понедельник к нам прибывает мой кузен, Генри, с женой Изабеллой и детьми. Они погостят у нас пару месяцев.

Леди Люси опустила книгу, ее лицо озарила радостная улыбка.

— Генри! Как мило! Я так давно не видела его семью. Это чудесная новость, Артур.

Мия отвлеклась от игры с Принцем, ее интерес был вежливым, но пока отстраненным. Визиты родственников были частью рутины.

— Да, — кивнул лорд Артур, и в его глазах мелькнула тень чего-то, что он не решался высказать прямо. — С ними будут их дети. — Теодор и его сестра, мисс Шарлотта. Теодор — твой ровесник, Мия, а Шарлотта, кажется, на год или два старше. Думаю, тебе моя дорогая, — он обратился к дочери, — будет весело иметь компанию.

Наступило короткое молчание. Леди Люси уловила тот скрытый смысл, который ускользнул от ее дочери. Она медленно закрыла книгу, ее взгляд встретился с взглядом мужа, и в нем читалось полное понимание. Визит ровесника из хорошей семьи редко был случайностью в их кругу. Это было мягкое, полупрозрачное заявление на возможное будущее. А присутствие сестры делало визит еще более respectable.

— Шарлотта! — живо откликнулась леди Люси, обращаясь к своей дочери. — У тебя наконец-то появится подруга в доме. А с Теодором... ты сможешь практиковаться в танцах. И если я не ошибаюсь, они же живут в Париже? — поинтересовалась леди Люси.

— Именно так, — кивнул лорд Артур. — Они возвращаются в Лондон после нескольких лет жизни во Франции. Генри пишет, что дела требуют его присутствия здесь, и они будут рады снова окунуться в английское общество. Помнишь, они уехали, когда дети были еще совсем малы?

— Конечно, помню — лицо леди Люси снова озарила улыбка. — Как чудесно, что они возвращаются! Мия, я думаю, тебе будет весело иметь компанию, да еще и с парижским лоском.

Мия отвлеклась от игры с Принцем.

— Из Парижа? — в ее голосе прозвучал легкий интерес, тут же вытесненный более важным вопросом. — Мама, а можно мы пригласим Энтони в понедельник? Чтобы он тоже с ними познакомился?

— Я думаю, это можно устроить — одобрительно сказал лорд Артур. — Лорд Энтони, как всегда будет желанным гостем.

Мия снова погрузилась в игру с Принцем, но на ее лице уже не было прежней безмятежности. Мысль о том, что в их доме появится двое парижских незнакомцев, вызывала в ней тревогу. *С парижским лоском? - пронеслось у нее в голове. - Значит, она будет еще и модницей, эта Шарлотта. А он. Наверное, будет говорить с акцентом и считать себя утонченнее всех нас.*

Их с Энтони уютный мир, состоящий из понятных шуток и молчаливого понимания, казалось, вот-вот рухнет под натиском чего-то чужого и напыщенного. Едва родители вышли из гостиной, Мия вскочила на ноги. — Мне нужно кое-что записать, — бросила она на ходу миссис Прат и вихрем побежала к двери, держа на руках ворчащего Принца. Прижавшись к косяку, она увидела, как мать и отец, увлеченные разговором, повернули за угол, даже не оглянувшись. Используя этот момент, Мия как тень метнулась в сторону лестницы. Прибежав в свою комнату, она села за письменный стол, достала лист бумаги и с жаром обмакнула перо в чернильницу.

Дорогой Энтони,

Ты не поверишь! К нам на пару месяцев приезжают родственники из Парижа - кузен отца с детьми, Теодором и Шарлоттой. Мама говорит, о каком-то парижском лоске, но я уверена, что это просто приличное название для французского высокомерия.

С ними будут их дети - некий Теодор и Шарлотта. Мои ровесники! Я уже представляю, как эта Шарлотта будет свысока критиковать мое платье и прически, а этот Теодор - строить из себя утонченного философа и смотреть на нас провинциальных англичан, как на дикарей. Они вторгнутся в нашу библиотеку, будут сидеть с нами в гостиной и нам придется все время быть вежливыми и учтивыми!

Я в совершенном возмущении, Энтони! Я не хочу делить наше общество, наши разговоры и наши шутки еще с кем-то. Это наше с тобой личное пространство, и мы никого не должны туда пускать. Мама говорит, что это прекрасная компания, но разве может быть компания прекраснее нашей?

Я уже попросила папу пригласить тебя в понедельник. Пожалуйста, приезжай обязательно! Мне будет невыносимо скучно и одиноко среди всех этих французских манер и чопорных родственников, если тебя не будет рядом. Ты единственный, кто понимает меня и с кем я могу быть собой

Твоя верная подруга,

Мия.

P.S. Принц, кажется, разделяет мое возмущение. Он целый вечер ходит за мной по пятам и недоверчиво нюхает воздух, будто чувствует приближение этих парижан.

P.P.S. Если этот Теодор начнет читать французские стихи, я обязательно захихикаю. Заранее предупреждаю.

Леди Мия аккуратно сложила письмо, запечатала его сургучом с оттиском своего кольца и позвонила в колокольчик для горничной, чтобы та немедленно отправила послание в дом Лиммертонов. Сделав это, она почувствовала облегчение. Теперь Энтони будет предупрежден. И он придет. А значит, все будет хорошо.

*** Лорд Артур и леди Люси вышли из гостиной и едва дверь за ними закрылась, как леди Люси мягко, но настойчиво взяла мужа под руку и отозвала его в сторону, в уединенную нишу у окна. — Артур, — начала она, опустив голос до заговорщического шепота, — скажи мне честно. Эта внезапная необходимость визита Генри... это действительно дело или... твое тонкое вмешательство?

Лорд Артур встретил взгляд жены, и в его глазах мелькнула улыбка, которую он тщательно скрывал от дочери.

— Что ты имеешь в виду, дорога? — сыграл он неведение, хотя прекрасно понял с первого слова.

— Не притворяйся.— мягко упрекнула мужа.— Ты прекрасно знаешь. Я вижу, как ты смотришь на них - на Мию и Энтони. Они почти неразлучны. И я вижу, как растет их привязанность. Но ты же понимаешь, как и я, что одного чувства в нашем мире недостаточно. Иногда будущее нужно... слегка подтолкнуть в нужном направлении, создав здоровую конкуренцию.

Лорд Артур наконец позволил себе улыбнуться, положив свою руку поверх ее руки.

— А если бы я и подстроил? Разве это было бы так ужасно? Генри - добрый человек, его сын воспитан, их семья достойна. Несколько месяцев в обществе благовоспитанного юноши, который не видел Мию с пеленок... что в этом дурного? Это поможет нашей девочке... расширить горизонты. И, возможно, заставит юного Лиммертона чуть меньше воспринимать ее внимание как нечто само собой разумеющееся.

Леди Люси, покачала головой, но в ее глазах светилось не осуждение, а понимание и легкая тревога.

— О, Артур... Ты играешь с огнем. Сердце - не шахматная доска. Я только молюсь, чтобы твой ход не причинил боли ни одному из них.

— Я тоже, дорогая, — его голос стал серьезным. — Я тоже. Но иногда отцу приходится быть не только другом, но и стратегом. Давай посмотрим, что из этого выйдет.

Они обменялись долгим, полным понимания взглядом, прежде чем разойтись по своим делам, оставив в воздухе невысказанное напряжение предстоящих перемен.

Солнечный свет заливал столовую, где леди София и Энтони неспешно завтракали. Энтони, в свои четырнадцать лет уже почти догнавший в росте отца, вежливо поддерживал разговор матери о предстоящем бале, но его мысли были далеко - он ждал вестей от Мии, как ждал их почти каждый день. Когда камердинер подал ему на серебряном подносе небольшое письмо, знакомо запечатанное кольцом с аметистом, лицо Энтони озарила улыбка и забыв о приличиях, он почти выхватил письмо с подноса.

— Прошу прощения, мама, — пробормотал он, уже ломая печать.

Леди София с теплой улыбкой наблюдала, как лицо сына сначала озаряется радостью, а затем постепенно омрачается. Он нахмурил брови, качал головой и даже раз или два сдержанно фыркнул, читая очередной пассаж о французском высокомерии

— Ничего катастрофического, надеюсь? — спросила леди София, отпивая чай.

— Хуже! — воскликнул Энтони, откладывая письмо. — наших друзей хотят заставить терпеть общество каких-то парижских выскочек! Мия в ярости, и должен признаться, я ее полностью понимаю. — не дожидаясь конца завтрака, он встал. — Вы не против, если я отвечу ей немедленно? Промедление смерти подобно, когда наша Мия в таком состоянии.

Получив одобрительный кивок матери, он быстрыми шагами направился в библиотеку, захватив с собой злополучное письмо. Усевшись за письменный стол, он с жаром почти равным Минному, принялся писать.

Дорогая моя бунтарка,

Твое письмо доставила мне несказанное удовольствие! Я получил исчерпывающий отчет о надвигающемся французском вторжении и должен сказать, твое описание будущих гостей было столь красочно, что я едва не рассмеялся за завтраком, чем вызвал недоуменный взгляд матери.

Поверь, я прекрасно понимаю твое возмущение. Мысль о том, что какие-то посторонние будут врывать в нашу священную тишину библиотеки, заставляет содрогнуться и меня. Но, моя дорогая, давай посмотрим на это как на настоящее приключение! Мы будем двумя английскими шпионами, изучающими странные повадки парижан. Если этот Теодор вздумает

читать стихи, мы с тобой обязательно устроим соревнование - кто дольше продержится с невозмутим лицом. Держу пари, это будешь не ты.

Что касается мисс Шарлотты и ее парижского лоска... Помни, что ни одна французская мода не может сравниться с твоим искренним смехом. А если она посмеет критиковать твои платья, Принц и я станем твоей личной гвардией.

Разумеется, я буду в понедельник. Никакие силы в мире не могли бы удержать меня от зрелища, как ты пытаешься быть учтивой с нежеланными гостями. Обещаю приехать ровно в два и быть твоим верным союзником во всех предстоящих испытаниях.

До скорой встречи, моя дорогая бунтарка. Крепись - и помни, что наши шутки и наши секреты навсегда останутся только нашими.

Искренне твой,

Энтони.

P.S. Передай Принцу, что я полностью одобряю его бдительность. Пусть продолжает в том же духе.

P.P.S. Если начнут говорить по-французски, мы с тобой будем говорить на нашем собственном, понятном только нам языке.

Запечатав конверт, Энтони позвал слугу.

— В дом Аблингтонов. Немедленно.

Он с облегчением откинулся на спинку стула, представив, как Мия будет читать его ответ. Он знал, что его слова успокоят ее бури, как делали это всегда. А мысль о том, что в понедельник он увидит ее разгневанное, но такое важное лицо, заставила его сердце учащенно забиться.

Глава 2.

Лондон, 1819 год. Понедельник.

Солнечный свет, казалось, сам заискивал перед особняком Аблингтонов, льстиво играя в чисто вымытых окнах и отполированных до блеска дверных молотках. Внутри царило предгрозовое затишье, знакомое каждому дому накануне визита многочисленных родственников. Для Мии же утро началось с куда более осязаемого предзнаменования - легкого шелеста бумаги, который она ощущала каждый раз, как двигалась. Еще вчера вечером, когда горничная вручила ей тот самый листок, мир снова встал на свои места. Она уединилась у окна в своем будуаре и затаив дыхание, прочла слова Энтони. С каждой строчкой тревожный ком в груди таял, сменяясь теплой, твердой уверенностью. *Он будет здесь. Со всем можно справиться, если он рядом.* Письмо она не стала прятать в шкатулку, а бережно заложила в складки пояса своего нового платья, словно это был доспех или талисман от любых невзгод. Она перечитала его трижды перед сном и один раз — сегодня утром. Каждое слово было выучено наизусть.

Сейчас Мия стояла посреди своей спальни, превратившись в объект для неторопливых манипуляций миссис Прат. Горничная затягивала шнуровку ее нежно-голубого платья, как заметила леди Люси - цвета утреннего неба, когда выбирала ткань.

— Не ерзайте, леди Амелия, — мягко, но настойчиво произнесла гувернантка, завязывая изящный бант на талии. — Сегодня вам предстоит быть образцом совершенства.

— Я и так образец, миссис Прат, - возразила Мия, ловя свое отражение в зеркале. — Просто очень нетерпеливый образец. Как вы думаете, они уже скоро?

— Не волнуйся, нам скажут как они придут. А сейчас, постарайтесь сохранить хотя бы подобие невозмутимости.

Сохранить невозмутимость стало в разы сложнее, когда в прихожей послышался звук открывающейся двери.

— Миссис Прат, я просто проверю, все ли в порядке в гостиной! - выпалила Мия и, не дождавшись ответа, сорвалась с места, подхватив подол платья.

Лорд Энтони Лиммертон шагал по направлению к дому Аблингтонов с таким чувством, будто возвращался домой после долгого путешествия. Хотя с момента его последнего визита прошло всего два дня. Он ловко увернулся от уличного торговца, даже не взглянув на него, - его мысли были там, за тяжелой дубовой дверью с сияющей латунной ручкой. Подойдя к такому уже знакомому дому, Энтони постучался в дверь, ему открыл слуга. Слуга, открывший дверь, встретил его почтительным поклоном и привычной улыбкой.

— Добрый день, лорд Энтони, леди Амелия уже спрашивала о вас, милорд.

Эти слова заставили его сердце сделать странный, непривычный скачок. Он кивнул, снимая перчатки и отдавая шляпу, и без лишних вопросов направился в гостиную. Он знал этот дом лучше собственного. Комната была залита утренним солнцем. Энтони прошелся до камина, потом до книжной полки, но ни мраморные часы, ни корешки книг не привлекали его внимания. Он стоял у высокого окна, глядя на улицу, но не видел ее. Он ждал. Ждал того самого звука - быстрых, легких шагов, которые он мог отличить от любых других. Ждал шелеста платья, которое она всегда надевала, когда ждала чего-то важного. Ждал того момента, когда дверь распахнется и ворвется она - его буря, его солнце, его самая старая и самая верная подруга.

В его кармане лежало ее вчерашнее письмо, перечитанное уже раз десять. Он мысленно повторял строчки, в которых сквозили ее паника и ее смешное и трогательное возмущение.

Уголки его губ непроизвольно поползли вверх. Он приготовил для нее несколько спокойных, ободряющих фраз, шутку про Принца и обещание стоять на ее стороне. Но все эти приготовленные слова мгновенно испарились, когда дверь с шумом распахнулась и в комнату ворвался ее голос, ее смех и стремительный вихрь голубого шелка. Энтони обернулся, и все его планы рухнули, сметенные ее улыбкой.

Не сказав ни слова, Мия подбежала к нему и обняла его, забыв обо всех наставлениях миссис Прат. Энтони на мгновение замер, а затем крепко обнял ее в ответ, и она почувствовала, как от его сюртука пахнет свежим воздухом, лошадьми и чем-то неуловимо родным - запахом дома.

— Ну, наконец-то! — выдохнула она, отстраняясь, но не выпуская его рук. Ее лицо сияло. — Я уже начала думать, что ты проспал!

Затем она сделала шаг назад, расставила руки в стороны и медленно покружилась на месте, заставляя шелк платья мягко зашуметь.

— Ну, как? — в ее голосе звучали и торжество, и легкое волнение. — Мама говорит, что этот цвет называется утреннее небо. Правда, похоже? Только не смей говорить, что я похожа на хмурый рассвет!

Энтони смотрел на нее, и в его зеленых глазах плясали веселые искорки. Ее восторг был таким заразительным, что все его тревоги растаяли, как утренний туман.

— На хмурый рассвет? Никогда, — он сделал вид, что внимательно изучает наряд, сдерживая улыбку. — Пожалуй, это самый ясный и безоблачный полдень, который мне доводилось видеть. Ты выглядишь прекрасно, Мия.

В его взгляде была такая знакомая, такая нужная ей теплота, что все тревоги окончательно улетучились. В ее мире снова был порядок. Именно в этот момент, двери гостиной раскрылись еще шире и в них показалась семья кузена Генри и родители Мии. Эту компанию возглавлял лорд Артур. Рядом с ним шел его кузен, месье Генри, - мужчина с усталыми глазами, но приятной улыбкой. Его супруга, Изабелла, держалась с изящной сдержанностью. Сцена, которую они застали, была полной безмятежности и тепла: Мия в своем голубом платье заканчивала свой веселый поворот, а Энтони смотрел на нее с улыбкой, в которой читалась нежность и восхищение. После своего последнего оборота, Мия оказалась лицом к лицу с гостями, стоявших в дверях. А больше всего ее заинтересовали двое, следовавших за родителями. Впереди шла Шарлотта. Она была на год старше, и в ее осанке, в том, как она сдержанно окинула взглядом гостиную, читалось спокойное, почти холодное высокомерие. Темные волосы, гладко зачесанные и уложенные по последней моде, подчеркивали белизну ее кожи. Она была похожа на идеальную, но безжизненную фарфоровую куклу. А вот ее брат, Теодор... Он оказался не таким, как представляла его Мия. Никакого напыщенного франта. Перед ней стоял худощавый юноша с живыми карими глазами и шапкой непослушных каштановых волос. Он выглядел немного потерянным, но на его лице играла робкая, дружелюбная улыбка.

Легкий, но заметный кашель лорда Артура заставил Мию и Энтони вздрогнуть и поспешно отойти друг от друга.

— Дети, позвольте представить вам наших дорогих гостей, — голос лорда Артура был ровным, но в нем звучал легкий упрек. — Мой кузен, месье Генри, его супруга, Изабелла, и их дети — мисс Шарлотта и мисье Теодор.

Последовала церемония реверансов и поклонов. Шарлотта присела перед Энтони с такой отточенной грацией, что это напоминало балетное па, ее взгляд скользнул по нему быстрой, оценивающей молнией.

— Мы только что восхищались вашим садом, леди Люси, — начала Шарлотта, обращаясь к хозяйке дома, но ее слова явно предназначались всем. — После французских регулярных матчей парков он кажется таким... романтично-запущенным. В этом есть своя прелесть.

Ее слова не были колкостью, но в них слышалось легкое снисхождение. Мия почувствовала, как по спине пробежали мурашки. Энтони и Мия переглянулись и они подумали об одном и том же .

Она уже считает нас провинциалами

Но после этого взгляд Мии снова встретился с взглядом Теодора. И тут он... слегка подмигнул. Быстро, почти неуловимо, так что этого не заметил никто, кроме нее. В его глазах читалось понимание и безмолвное: *Не обращай внимания, она всегда такая.* Мия от удивления едва не рассмеялась. Вместо надменного сноба она обнаружила сообщника.

— А что вы думаете о Лондоне, мистер Теодор? — решила вступить в разговор она, желая проверить свое впечатление. — После Парижа он, наверное, кажется вам скучным?

Теодор улыбнулся, и его лицо сразу осветилось теплотой.

— Напротив, леди Мия, я нахожу его полным очарования, — ответил он искренне. — В Париже много блеска, но здесь... здесь чувствуется история. И люди кажутся более...открытыми.

Его слова прозвучали так естественно, что Мия невольно улыбнулась в ответ. Возможно, он не так уж и плох.

Именно в этот самый момент Энтони, который до сих пор хранил молчание, вежливо, но холодно вставил:

— Искренность — действительно редкая добродетель. Особенно в свете. Надеюсь, ваше пребывание в Лондоне не разочарует вас, мистер Теодор.

Его фраза была безупречно вежливой, но в воздухе повис невысказанный вызов. Мия посмотрела на него с удивлением. Почему он говорит с такой ледяной формальностью?

Теодор на мгновение замер, но затем его улыбка стала лишь чуть более сдержанной.

— Благодарю за предупреждение, лорд Энтони, — ответил он ровно.

Неловкую паузу, последовавшую за холодной репликой Энтони, как всегда сгладила леди Люси.

— Я уверена, что мистер Теодор найдет наше общество весьма оживленным, — мягко вступила она, жестом приглашая всех занять места. — Тем более что впереди сезон. Балы, приемы... Вы дети, еще успеете пресытиться светскими развлечениями.

Вскоре все расселись по всей гостиной. Лорд Артур и мистер Генри обсуждали политику и состояние дел во Франции. Леди Люси и Изабелла обменивались любезностями о парижских модах и лондонских новостях. Но настоящее действие разворачивалось среди младшего поколения.

Шарлотта, устроившись в кресле с видом королевы на троне, обратилась к Энтони:

— А вы, лорд Энтони, часто бываете в Париже? Или ваше сердце навсегда отдано дождливому Лондону?

Ее вопрос был отточенным кинжалом, обернутым в шелк. Энтони, все еще находясь во власти непонятной для него самой досады, ответил с подчеркнутой холодностью:

— Мои обязанности пока не требуют частых визитов на континент. Я нахожу, что в Англии достаточно дел, чтобы занять ум и время джентльмена.

Мия, сидевшая рядом с Теодором, слушала этот обмен любезностями, и ей становилось все тяжелее. Почему Энтони ведет себя как надменный чурбан? Ее внимание переключилось на Теодора, который тихо спросил ее о кличке спаниеля, развалившегося у камина.

— Это Принц, - с облегчением ответила Мия радуясь возможности говорить о чем-то простом и приятной. — Он у нас настоящий тиран, спит на моей кровати и ворчит, если его не гладят.

— Преданные существа, собаки, - улыбнулся Теодор. — В Париже у меня был пудель, но он, боюсь, был не таким отважным, как ваш Принц. Больше любил сидеть на бархатных подушках.

Они засмеялись, и их смех прозвучал особенно громко на фоне сдержанной беседы Энтони и Шарлотты. Энтони бросил взгляд через всю гостиную. Он увидел склонённые друг к другу головы - светлую шелковистую прядь Мии и каштановые кудри Теодора. Увидел ее улыбку, направленную на другого. И его сердце сжалось от острого, болезненного чувства, которое он отказывался признать даже перед самим собой. В этот момент Шарлотта, следившая за ним с кошачьей внимательностью, мягко вздохнула.

— Как мило они общаются, не правда ли? — произнесла она так, чтобы слышал только он, Шарлотта явно наслаждалась эффектом своих слов. — Кажется, они нашли общий язык с первой же минуты. Почти как старые друзья.

Ее слова были ядом, капля за каплей вливающимся в его рану. Энтони знал, что она пытается его задеть. Но смотреть на них было невыносимо. Он не мог заставить себя остаться, поэтому он резко встал.

— Прошу прощения, мне нужно освежиться, - произнес он, обращаясь к обществу в целом, и вышел из гостиной, даже не взглянув на Мию.

Мия же проводила его взглядом, и ее улыбка медленно угасла. В воздухе осталось висеть тяжелое, не высказанное недоумение и обида. Первая встреча с гостями обернулась не началом веселья, а первым актом большой, сложной пьесы, где каждый из них уже начал играть свою роль, еще не зная сценария.

И пока Теодор пытался ее развеселить новыми историями о Париже, все ее мысли были там, за дверью, вместе с ее лучшим другом, который внезапно стал вести себя как чужой и неприступный незнакомец.

Дверь в гостиную закрылась за Энтони, отсекая звуки светской беседы и, главное, смех Мии. Энтони замер на мгновение в прохладной полутьме холла, чувствуя, как у него дрожат руки. Он сжал кулаки, пытаясь взять себя в руки. Вместо того чтобы направиться в уборную, он резко развернулся и прошел в библиотеку - их библиотеку, то самое место, где они проводили большое количество времени вместе, где мир был прост и ясен. Он захлопнул за собой тяжелую дверь, прислонился к ней спиной и зажмурился. Перед глазами все еще стоял образ: склоненная к Теодору головка Мии, ее улыбка, адресованная не ему, а этому... этому парижскому выскочке с его легкомысленными манерами.

«Она смеется над его шутками. Смотрит на него с интересом. - ядовитая мысль жалила снова и снова.»

Он подошел к камину и с силой уперся руками о мраморную полку, чувствуя, как холодный камень просачивается сквозь тонкую ткань сюртука. В нем бушевало что-то темное и уродливое, чего он в себе не знал. Ревность. Глупая, необоснованная, но невероятно сильная. — *Она же говорила, что не хочет их здесь. Писала, что не желает ни с кем делить наше общение. А теперь...*

Он сгреб пальцами непослушные пряди волос, откинув голову назад. Ему было стыдно за свой внезапный уход, за ледяной тон, которым он говорил с Теодором. Он вел себя как мальчишка, а не как джентльмен и наследник титула. Но рациональные мысли тонули в кислотной волне обиды.

Из-за двери донеслись шаги и приглушенные голоса. Гости, должно быть, направлялись в столовую. Энтони выпрямился, сделал глубокий вдох и постарался надеть на лицо привычную маску вежливой отстраненности. Он не мог оставаться здесь вечно.

Он вышел из библиотеки, решив про себя, что вернется в гостиную, будто ничего и не произошло. Но вместо этого его ноги сами понесли его к парадному выходу. Слуга, застигнутый врасплох, бросился помогать ему с пальто.

— Передайте леди Аблингтон, что я внезапно вспомнил о неотложном деле, - сухо бросил Энтони, не глядя на слугу. - И что я... зайду в другой раз.

Он вышел на улицу, и хлопок захлопнувшейся двери прозвучал для него как выстрел. Он ушел. Сбежал. Оставил Мию наедине с ними. С этим мысленным образом и горьким осадком предательства - своего собственного - он и зашагал прочь, не обворачиваясь. Лондонский воздух, обычно наполненный запахом угля и далеких экипажей, сегодня был густым и спертым. Он сделал несколько резких, прерывистых вдохов, пытаясь вытеснить из легких удушливую атмосферу гостиной - смесь духов Шарлотты и горького осадка собственного унижения.

Он не пошел за экипажем. Ему нужно было идти. Идти куда угодно, только бы не двигаться, только бы заглушить этот навязчивый голос, который твердил одно: *Ты поступил как последний невежа. Ты сбежал.* Он зашагал, не разбирая дороги. Его шаги были быстрыми и неровными, он расталкивал прохожих, не извиняясь, не замечая их возмущенных взглядов. Он был похож на раненого зверя, который пытается убежать от собственной боли. *Она смеялась. Почему она смеялась? Разве его шутки были такими уж смешными? Этот парижанин с его напускным простодушием... И эти ее глаза, такие сияющие, обращенные к нему...*

Он прошел мимо знакомой кондитерской, где они с Мией втайне от миссис Пратт покупали марципан, но сегодня ее витрина казалась ему безрадостной и тусклой. Он пересек площадь, где они в детстве гоняли голубей, и теперь каждый камень мостовой напоминал ему о ее смехе - том самом, который теперь принадлежал не ему.

Дорога до особняка Лиммертонов обычно такая знакомая и короткая, в тот день показалась бесконечным путешествием через пустыню. Наконец, он увидел знакомые ворота. Он не зашел через парадный вход, где слуги могли бы увидеть его бледное, искаженное непонятной яростью лицо. Он проскользнул в калитку для слуг и через внутренний двор пробрался в свой будуар, избегая встреч с кем бы то ни было.

Заперев дверь, он прислонился к ней спиной и закрыл глаза. Перед ним снова стоял образ: Мия в голубом платье, кружащаяся в лучах солнца. Тот самый образ, что еще час назад наполнял его теплом, теперь жгло изнутри стыдом и обидой. И единственная мысль, которая пульсировала в его голове, был навязчивый, детский вопрос :

Как же теперь все исправить? - и полное оглушительное отсутствие ответа.

Лорд Чарльз Лиммертон, как раз спускался по главной лестнице, собираясь в свой кабинет, когда мельком увидел фигуру сына, крадущуюся через внутренний двор. Поза и скорость, с которой Энтони исчез в боковом коридоре, говорили красноречивее любых слов, что что-то случилось.

Он обменялся встревоженным взглядом с леди Софией, которая вышла из гостиной с книгой в руках. Ее взгляд, обычно такой ясный и спокойный, тоже выразил беспокойство.

— Он выглядел так, будто проиграл целое состояние в карты или увидел призрака — тихо заметил лорд Чарльз, подходя к жене.

— Или поссорился с Мией, — так же тихо откликнулась леди София. Для нее эти два события были равны катастрофичны. — Поговори с ним, Чарльз.

Лорд Чарльз кивнул и тяжелой походкой направился к комнате сына. Он постучал в дверь костяшками пальцев, это вышло твердо, но без агрессии.

— Энтони? Можно войти?

Из-за двери не последовало ответа, но через мгновение щелкнул замок. Лорд Чарльз вошел и увидел сына, стоящего у окна спиной к комнате. Плечи его были напряжены, а вся осанка кричала о желании исчезнуть.

— Я не ожидал тебя увидеть до вечера, — начал лорд Чарльз, закрывая за собой дверь. — Разве ты не должен быть на обеде в доме Аблинтонов? Или кулинарные эксперименты их нового повара оказались столь устрашающими, что ты счел за благо ретироваться? — Отец попытался шутить, но его голос выдавал беспокойство.

Энтони резко обернулся. Его лицо было бледным, а в глазах бушевала буря.

— Нет. Все было...прекрасно. — Слово прекрасно прозвучало как проклятие.

— Мия? — мягко спросил лорд Чарльз, подходя ближе. — С ней все в порядке?

— С ней все более чем в порядке! — вырвалось у Энтони с такой горечью, что он сам испугался своей интонации. Он отвернулся, снова глядя в окно. — У них гости. Этот кузен из Парижа. С семьей.

Наступила пауза. Лорд Чарльз молча ждал, понимая, что главное сейчас прозвучит между слов.

— Она...она с ним все время смеялась, — наконец выдавил Энтони, и его голос снова стал голосом мальчика. — С этим Теодором. С первой же минуты. Как будто... как будто они знакомы сто лет. А я. я стоял там, как последний болван.

Он умолк, сжимая и разжимая кулаки. Признаться в этом вслух было и мучительно, и в то же время стало каким-то облегчением. Лорд Чарльз подошел и встал рядом, глядя на тот же скучный вид из окна - аккуратно подстриженный газон, а не бурлящий чувствами сад в его душе.

— И ты решил, что лучший выход — показать ей свою спину и хлопнуть дверью? — спросил лорд Чарльз без осуждения, с одной лишь констатацией факта.

— Я не знал, что еще делать! — взорвался Энтони.

— Но, сын мой, бегством нельзя выиграть ни одну битву. Особенно битву за внимание дамы. Ревность - плохой советчик.

— Я не ревную! — тут же отрезал Энтони, но его протест прозвучал слабо и неубедительно даже для него самого.

Лорд Чарльз положил тяжелую руку на его плечо.

— Как скажешь. Но запомни: если то, что у вас с Мией, действительно ценно, то это не сможет разрушить ни один кузен, даже самый остроумный. А если разрушат... значит, это было не так уж и прочно. Но судя по тому, как она смотрит на тебя все эти годы, — он усмехнулся, — я бы не стал волноваться. Дай ей время. И себе тоже.

С этими словами он вышел, оставив Энтони наедине с его мыслями. Они не стали проще, но в них появилась крошечная, едва заметная трещинка надежды.

Глава 3

Лондон, 1819. Тот же понедельник

Обед был изощренной пыткой. Длинный полированный стол, уставленный серебром и хрусталем, казался Мии бесконечным полем боя, где каждое слово — это выстрел, а каждая пауза рана. Блюда сменяли друг друга : суп-пюре, запеченный фазан, желе из крыжовника, но Мия не чувствовала вкуса. Еда стояла в горле комом.

— Мия, дорогая, — мягко произнесла леди Люси, видя, что дочь лишь перебирает спаржу вилкой, — мистер Теодор интересовался породой Принца. Не расскажешь ли ему?

Мия заставила себя поднять глаза и встретиться взглядом с Теодором. Он улыбался ей с доброжелательным участием, которое вызывало у нее лишь чувство вины.

— Это... это кинг-чарльз-спаниель, — выдавила она, глядя куда-то в область его жилета. — Очень преданная порода.

— И, судя по всему, очень избалованная, — с легкой, ядовитой сладостью заметила Шарлотта, отпивая из бокала. — Прямо как некоторые люди. Привыкают к вниманию и начинают считать его своей неотъемлемой собственностью.

Ее слова висели в воздухе, словно запах горького миндаля. Все поняли, о ком она. Мия почувствовала, как по ее щекам разливается жар. Лорд Артур покашлял, а леди Люси бросила на Шарлотту взгляд, в котором впервые промелькнуло неодобрение.

Теодор поспешил перевести тему, начав рассказывать о парижском зверинце, но напряжение уже не рассеивалось. Мия сидела, отключившись от разговора, и в ее ушах снова и снова звучал оглушительный хлопок двери, которую Энтони захлопнул за собой.

Обед подошел к концу, и дождавшись подходящего момента, когда можно было под благовидным предлогом удалиться, Мия почти бегом бросилась в свою комнату, словно преследуемая призраками прошедшего вечера. Она захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной, вглядываясь в знакомые очертания своего убежища - кружевной балдахин кровати, туалетный столик, книжную полку. Но сегодня ничто не могло унять дрожь в ее руках и тяжелый камень на сердце.

Она подошла к письменному столику у окна. Лунный свет падал на чистый лист бумаги, делая его еще более ослепительным и пугающим. Она обмакнула перо в чернильницу, и первая капля упала на бумагу, расплывшись безобразным фиолетовым пятном. Она хотела написать Энтони длинное письмо. Объяснить все. Выплеснуть всю свою обиду, боль и недоумение.

Дорогой Энтони, — мысленно диктовала она, — я не понимаю, что произошло. Почему ты так поступил? Почему ты бросил меня одну среди всех этих людей?

Но слова казались фальшивыми. Слишком жалобными. Слишком слабыми. Она представляла, как он читает их с тем же холодом, отстраненным выражением лица, с каким уходил.

Она попробовала снова.

Мне жаль, если я сделала что-то не так. Я не хотела...

Нет. Она не должна извиняться! Что она сделала? Была вежлива с гостем? Разве это преступление?

Гнев, горький и беспомощный, подступил к горлу. Она с силой ткнула пером в бумагу, испортив еще один лист. Все было не то. Все эти длинные, витиеватые фразы были не для них. Они никогда так не общались. Их письма были полны стремительных мыслей, условных знаков и общих шуток.

И тогда, повинувшись внезапно, отчаянному порыву, она отложила испорченный лист и схватила маленький клочок бумаги, который использовала для записок. Ее рука, больше не колеблясь, вывела всего несколько слов. Ни обращения, ни подписи. Только самая суть.

Крик души, уместившийся в одном предложении, которое было одновременно и вопросом, и мольбой, и протянутой рукой.

Давай встретимся в нашем месте завтра утром.

Она не стала запечатывать его сургучом. Просто сложила, сунула в конверт и, высунувшись в коридор, отдала дежурившей горничной с шепотом, в котором слышались и надежда, и отчаяние: В дом Лиммертонов. Немедленно

Вернувшись в комнату, она поняла, что дрожит. Она не знала, что скажет ему при встрече. Не знала, как будет смотреть ему в глаза. Но она знала одно: мысль о том, что их дружба может рассыпаться в прах из-за одного нелепого дня, была невыносима. И эта короткая, отчаянная записка была белым флагом, который она выбросила в темноту в надежде, что он его примет.

Энтони не вышел к ужину, сославшись на головную боль. Он лежал в темноте, уставившись в потолок, и вновь и вновь прокручивал в голове тот роковой момент. Слова отца засели глубоко, но не принесли утешения. Ревность - плохой советчик. Он снова с негодованием отбросил эту мысль.

— Это была не ревность. Это было... Разочарование. Да, именно так. — думал он.

Горничная, войдя, чтобы поправить занавески, положила на его прикроватный столик маленький, невесомый конверт.

— Для вас, милорд. Из дома Аблингтонов.

Сердце Энтони совершило резкий скачок. Он схватил конверт. В нем не было письма. Только крошечный клочок бумаги с одним-единственным предложением, написанным знакомым стремительным почерком.

Давай встретимся в нашем месте завтра утром.

Он перечитал эти слова раз десять, пытаясь найти в них скрытый смысл, упрек, насмешку. Но их было слишком мало. В них была лишь просьба. Или приказ?

Он скомкал записку, чтобы швырнуть в камин... но разжал пальцы и бережно разгладил ее на столешнице. Глупая, иррациональная надежда теплилась в груди, вопреки всей его обиде и гневу.

Утро вторника.

Особняк Аблингтонов погрузился в утренние ритуалы. Солнечный свет, такой же яркий и безмятежный, как и вчера, теперь казался Мии насмешкой. Она сидела в библиотеке с видом на входную дверь, притворяясь, что читает, но на самом деле она старалась как можно лучше слушать, что происходит на улице. Каждый скрип экипажа на улице заставлял ее сердце замирать.

И вот он появился.

Не через парадный вход, с церемониальными объявлениями, а тихо, почти бесшумно, пройдя через боковую дверь из сада, как они часто делали в детстве. Он стоял в дверях библиотеки, и в его позе читалось неуверенность, которой Мия никогда раньше не видела.

— Я получил твою записку, — его голос был тихим и лишенным привычной уверенности.

Мия медленно поднялась. Они смотрели друг на друга через всю длину комнаты, разделенные не пространством, а вчерашней обидой и горьким недоумением.

— И все? — выдохнула она. — Это все, что ты можешь сказать?

Он сделал несколько шагов внутрь, и дверь закрылась за его спиной. Библиотека, их общее убежище, вдруг стала полем боя.

— Нет, не все, — он провел рукой по волосам, и это нервное движение выдавало его смятение. — Я пришел, потому что я не мог не прийти. Но я до сих пор не понимаю, Мия. Не понимаю, что произошло...

— Я тоже! — воскликнула она, и голос ее дрогнул. — Ты смотрел на меня так, словно я совершила что-то ужасное. Я просто была вежлива! Разве дружба не учит нас прощать такие мелочи? Или она учит лишь сбегать при первой же трудности, даже не попытавшись что-то выяснить?

Энтони сжал кулаки, и в его глазах вспыхнул тот самый огонь, что погас вчера.

— Мелочи? Ты называешь это мелочью? — его голос снова набрал силу. — Когда я вижу, как ты, моя Мия, смотришь на этого... этого парижского щеголя с тем самым блеском в глазах, который всегда был... — он запнулся, не в силах договорить

— Который всегда был что? — настаивала Мия, подходя ближе. Ее обида начала сменяться жгучим любопытством.

— Который всегда был нашим! — вырвалось у него наконец. — Нашими шутками, нашими тайнами! А он ворвался сюда и за минуту получил то, что я. что я годами...

Он не договорил, отвернулся и снова подошел к окну, глядя в сад. Его плечи были напряжены. Мия замерла, и до нее наконец начала доходить. Это не был каприз. Это было что-то большее, что-то глубокое и неуклюжее, что он не умел выразить словами.

— Энтони, — ее голос стал мягче. — Он всего лишь гость. Новое лицо. А ты...ты — это ты. Ты мои детские слезы и мой самый громкий смех. Ты мой лучший друг. Разве что-то может это изменить?

Он обернулся, и в его взгляде она прочла ту самую боль, которую чувствовала сама.

— А если может? — тихо спросил он. — Если однажды какого-нибудь мистера Теодора окажется достаточно, чтобы все переменялось?

В его вопросе прозвучала такая незащищенность, что ее сердце сжалось. Впервые за много лет она увидела не самоуверенного наследника виконта, а мальчика, который боялся потерять самое дорогое.

Она подошла к нему вплотную и осторожно коснулась его руки.

— Ничто не изменится, глупец, — прошептала она. — Потому что наше место — не эта библиотека. Оно - вот здесь. — Она легонько ткнула себя в грудь, а затем - в его. — И пока оно там, никакие Теодоры не страшны.

Энтони не ответил. Просто накрыл ее ладонь своей. Они стояли молча, и этого молчания было достаточно, чтобы самые острые грани обиды начали сглаживаться. Буря миновала, но после нее осталась хрупкая, трепетная тишина, полная невысказанных вопросов.

Именно в этот момент дверь в библиотеку бесшумно приоткрылась.

— Леди Мия, я надеялся... — начал Теодор, но замер на пороге, увидев их стоящих так близко друг к другу. Его взгляде скользнул по их лицам, по тому как рука Мии все еще лежала на руке Энтони, и он все понял. На его лице мелькнула легкое смущение, но он быстро овладел собой. — Прошу прощения, я, кажется, помешал. — вежливо произнес он, делая шаг назад.

Энтони, чья спина мгновенно выпрямилась, а лицо снова стало маской холодной учтивости, резко отвел руку.

— Ничуть, — его голос прозвучал ледяным лезвием. — Мы как раз заканчивали.

Мия, почувствовав, как тепло и доверие моментально испарились, оставив после себя лишь неловкость, поспешила вмешаться:

— Вообще нет, Теодор. Мы просто... обсуждали кое-что. — ее голос прозвучал слабо и неубедительно даже для нее самой.

Теодор улыбнулся, и в его улыбке была та самая парижская непринужденность, которая так раздражала Энтони.

— В таком случае, я пришел по делу. Матушка просила передать, что мы с Шарлоттой планируем небольшую прогулку в Парк, и будем счастливы, если вы, леди Мия, и вы, лорд Энтони, составите нам компанию. Если, конечно, у вас нет других планов.

Его слова повисли в воздухе. Это было не просто приглашение. Это была проверка. Энтони посмотрел на Мию. В его взгляде читался немой вопрос: Ну? Что выбираешь? Их общество или наше?

Мия почувствовала, как ее загоняют в угол. Сказать нет- значит проявить грубость и подтвердить все подозрения Энтони. Сказать да — значит предать ту хрупкую нить понимания, что только что едва не связала их вновь.

— Я... - начала она, но Энтони перебил ее, его тон был убийственно вежливым.

— К сожалению, я вынужден отказаться. У меня назначена встреча с отцом. Но я уверен, леди Мия с радостью составим вам компанию. Он поклонился, коротко и сухо, бросив на Мию последний тяжелый взгляд, полный разочарования и горечи, и вышел из библиотеки, не оглядываясь.

Мия застыла на месте, чувствуя, как ее только что затянувшиеся раны снова разрываются. Он снова ушел. Снова сделал выбор за нее. И снова оставил ее одну - на этот раз с любезно улыбающимся Теодором, в обществе которого она внезапно оказалась заложницей.

— Итак, — сказал Теодор, нарушая тягостное молчание. — Значит мы можем рассчитывать на ваше общество, леди Мия?

Она посмотрела на него, и впервые его доброжелательная улыбка показалась ей не искренней, а дьявольски расчетливой.

Выйдя за двери библиотеки, Мию и Теодора уже поджидала леди Шарлотта, одетая в элегантное платье парижского покроя.

— Братец! Леди Амелия! — голос Шарлотты прозвучал сладко, как патока. — А я уже заждалась вас! Пойдемте скорее, там прекрасная погода, для нашей прогулки.

Она окинула их беглым, но всевидящим взглядом, подавленное выражение лица Мии. Уловив момент, когда Теодор на секунду отвлекся, Шарлотта деловито подмигнула брату, словно говоря: «Не упускай свой шанс».

Они дождались прихода компаньонки и вышли из дома.

Гайд-парк встретил их ярким, но прохладным солнцем. Воздух был свеж, экипажи с нарядными дамами и джентльменами медленно катились по Роттен-Роу, но Мия не замечала ни окружающего великолепия, ни любопытных взглядов, бросаемых в их сторону. Она шла между Теодором и Шарлоттой, чувствуя себя не участницей прогулки, а пленником, ведущимся на церемониальную экзекуцию.

— Ах, какой восхитительный контраст после Тюильри! — воскликнула Шарлотта, грациозно обмахиваясь веером. — Здесь чувствуется такая... брутальная, природная мощь. Это очаровательно.

Ее слова, как всегда, были комплиментом, обернутым в снисхождение. Теодор, напротив, старался быть милым и внимательным.

— Мне кажется, в этом и есть прелесть, сестра, — мягко возразил он. — Здесь можно дышать полной грудью, а не быть зажатым в рамках идеально подстриженных кустов. Не правда ли, леди Мия?

Мия вздрогнула, вернувшись из своих мыслей.

— Простите? Ах, да... Конечно. Мы часто гуляли здесь с... — она запнулась, едва не произнеся его имя. — В детстве.

— Да, детство, — подхватила Шарлотта, и в ее глазах блеснула опасная искорка. — Прекрасная пора, когда можно позволять себе любые порывы, не задумываясь о последствиях. Но с возрастом приходит понимание, насколько хрупка может быть репутация. Один необдуманый поступок, одна проявленная слабость... и все, конец.

Она говорила сладким голосом, но каждый ее пассаж был отточенным клинком, направленным в сердце Мии. Та чувствовала, как снова краснеет, вспоминая вчерашний уход Энтони и свой растерянный вид.

— Некоторые порывы, мисс Шарлотта, продиктованы честью, а не слабостью, — вдруг, к собственному удивлению, парировала Мия. — Другое дело, что свет часто не способен отличить одно от другого.

Теодор с интересом посмотрел на Мию, а Шарлотта улыбнулась, словно получила именно ту реакцию, на которую рассчитывала.

— О, вы абсолютно правы! Именно поэтому нужно быть вдвойне осмотрительной. Особенно в выборе своего окружения. В Париже, например, давно поняли: лучше окружить себя людьми спокойными и предсказуемыми, чем поддаваться влиянию тех, чьи эмоции подобны урагану. Это утомительно и... непродуктивно.

Мия поняла, что ее пытаются загнать в угол. Либо она признает, что Энтони — это «ураган» и «плохое влияние», либо будет выглядеть глупо, защищая его после его же побега. В этот момент по дорожке промчался всадник на гнедом жеребце. Мия на мгновение подняла глаза, и ее сердце екнуло — на секунду ей показалось, что это Энтони. Но нет, это был незнакомец. Однако этот миг надежды и последующее разочарование заставили ее понять простую вещь: какие бы обиды она ни таила, она хочет, чтобы здесь был он.

Шарлотта, заметив рассеянный взгляд Мии, с легкой усмешкой отозвалась о «непостоянстве некоторых натур» и чтобы оставить последнее слово за собой отойти в сторону и рассмотреть красивые места парка, но Теодор, напротив, воспользовался моментом. Он сделал несколько шагов, чтобы оказаться рядом с Мией, пока его сестра делала вид, что рассматривает клумбу.

— Знаете, леди Мия, — заговорил Теодор, — когда я увидел вас в гостиной... вы показались мне олицетворением всего, что я представлял, думая об английских аристократках. Такая сила, такое достоинство. — Она взглянула на него с удивлением. После выхода Энтони она чувствовала себя не «олицетворением достоинства», а расстроеной девочкой.

— Вы льстите мне, — сухо ответила она.

— Ничуть. Я говорю то, что думаю. В вас есть внутренний стержень. И мне кажется, — он сделал паузу, выбирая слова, — что в вас не всегда ценят это по достоинству. Некоторым, возможно, ближе более... податливые натуры.

Это был тонкий, почти ювелирный укол. Он не сказал ничего плохого об Энтони, но намекнул, что тот не способен оценить ее. И этот намек, прозвучавший в момент ее уязвимости, был опасен.

— Вы ошибаетесь, — попыталась она возразить, но без прежней уверенности. — Просто у нас... разный характер.

— Характер — это то, что можно и нужно дополнять, — улыбнулся Теодор. — Представьте, если бы сила и огонь сочетались с изяществом и спокойствием. Такой союз был бы неодолим.

Он говорил о союзе характеров, но Мия с ужасом понимала, что он имеет в виду нечто большее. Он рисовал картину идеальной пары. И в этой картине место рядом с ней занимал он.

— Знаете, — задумчиво произнес он, глядя на аллею парка, — иногда судьба самым неожиданным образом указывает нам на людей, которые действительно способны оценить нас по достоинству.

— Судьба — дама капризная, мистер Теодор. Не всегда ее планы совпадают с нашими.

— Иногда — совпадают, — мягко настаивал он. — Взгляните на наших родителей. Их дружба, столь давняя и прочная... разве это не идеальная основа для чего-то большего? Для союза, который был бы благословен семьей с самого начала.

— Я... я не думаю, что следует строить такие далекоидущие планы на основе дружбы наших матерей, — попыталась она уйти от ответа, чувствуя, как учащенно бьется сердце.

Теодор улыбнулся, но в его глазах не было прежней беззаботности.

— Почему бы и нет? Это прекрасный фундамент. Гораздо проще идти по жизни с тем, кто изначально является частью твоего мира, с кем тебя связывают общие корни и... общие ожидания семьи. Не правда ли?

Мия промолчала, глядя вдаль, где мелькали тени других прогуливающихся пар. Внутри нее все кричало, что он неправ, что Энтони— ее лучший друг, что это просто недоразумение... Но горький осадок от его ухода пересиливал все разумные доводы.

— Возможно, вы правы, — сказала Мия с новой, с неожиданной для себя твердостью. — Но я, кажется, уже слишком привыкла к ураганам. Спокойствие, при всей его привлекательности, кажется мне скучным. А что до планов... я считаю, что строить их следует на основе чувств, а не только долга. Прошу простить мою внезапную слабость, но я вспомнила о неотложном деле дома. Надеюсь, вы не осудите меня за этот... порыв.

Не дав возможности ответить, она кивнула и, повернувшись, пошла прочь, оставив их одних. Она не просто уходила от неудобного разговора. Она бежала от принятых за нее решений. Она не знала, что будет дальше, но впервые за этот день она поступила так, как хотела сама, а не так, чего от нее ожидали. И в этом было горькое, но необходимое облегчение.

Энтони почти бегом миновал парадную дверь, срывая с себя перчатки. В ушах все еще стоял гул от собственной ярости и боли. Он мрачно бросил шляпу и перчатки на полку в прихожей и направился к лестнице. Перед глазами все еще стоял растерянный взгляд Мии в библиотеке. Он снова все испортил.

— Энтони, сын мой, ты уже вернулся? — из гостиной послышался теплый, знакомый голос.

Лорд Чарльз Лиммертон стоял в дверях с книгой в руке. Его лицо, обычно озаренное доброй улыбкой, сейчас выглядело серьезным и озабоченным.

— Отец, — Энтони попытался вымучить улыбку. — Да, я..

— Пройдем в кабинет, хорошо? Мне нужно с тобой поговорить. — лорд Чарльз положил руку ему на плечо. Его прикосновение было по-прежнему твердым и надежным, но в нем чувствовалась непривычная тяжесть.

В кабинете, уютном и пахнущем старыми книгами и кожей, лорд Чарльз подошел к камину. Он молча постоял несколько мгновений, глядя на огонь.

— Энтони, пришли плохие вести из Йокшира, — наконец произнес он тихо. - Твой дедушка... его не стало. Удар был внезапным.

Энтони замер. Дед... Его суровый, но бесконечно добрый дед, который учил его рыбачить в холодных речках Йокшира и рассказывал истории о их предках.

— Я не могу в это поверить... — прошептал Энтони, чувствуя, как сжимается горло.

Лорд Чарльз обернулся, и в его глазах стояла неподдельная грусть.

— Я тоже, сын мой. Я тоже. — Он тяжело вздохнул. — К сожалению, нам нужно быть сильными. Дела в поместье... они в полном беспорядке, управляющий запутал все отчеты. Мне... нам придется ехать туда.

— Нам? — Энтони посмотрел на отца с надеждой и со страхом одновременно.

— Да, Энтони. Тебе уже четырнадцать. Ты наследник наших земель и титула. Пришло время увидеть, что это значит на самом деле - нести ответственность за тех, кто от тебя зависит. Это... это твой долг перед семьей, перед памятью деда.

Лорд Чарльз подошел ближе и посмотрел на сына с безграничной нежностью и пониманием.

— Я знаю, что сейчас не лучшее время. Я знаю, что ты поссорился с Мией. И мне жаль, что тебе придется уехать именно сейчас. Но у нас есть неделя. Мы успеем на был к леди Престон. У тебя будет возможность... все исправить. Или хотя бы попрощаться.

Отец не осуждал, не читал нотаций. Он просто констатировал факты, и от этого становилось еще более неумолимым. Энтони понимал - спорить бесполезно. Это была не капризная воля отца, а суровая необходимость.

— На сколько? — тихо спросил он, уже зная ответ.

— Надолго, сын мой. Месяцы. Возможно, год.

Лорд Чарльз снова положил руку ему на плечо, и на это раз это был жест утешения.

— Используй эту неделю по максимуму. А сейчас... сейчас нам обоим нужно время, чтобы оплакать его.

Энтони кивнул, не в силах вымолвить ни слова. Он вышел из кабинета, и горечь утраты смешалась с горечью предстоящего прощания с Мией. Но в этот раз его отъезд был не бегством, а тяжелой, взрослой необходимостью, и это понимание делало боль еще острее.

Дверь кабинета отца закрылась за Энтони с тихим, но окончательным щелчком. Этот звук словно подвел черту под его прежней жизнью. Он не пошел в столовую, где, вероятно, уже собралась семья к ужину. Вместо этого он поднялся по широкой лестнице в свои апартаменты, и каждым шагом его покидали силы. Он запер дверь и, наконец, остался наедине с оглушительной тишиной, которая навалилась на него всей своей тяжестью. Он не плакал. Слезы придут позже, когда первое онемение отступит. Сейчас же он просто стоял посреди комнаты, не в силах пошевелиться, и в голове у него стучало одно-единственное слово: «Йоркшир». Стыд. Он пришел первым. Жгучий, едкий. Всего час назад его мир был до смешного мал и сосредоточен на одном: на обиде, на гнев, на Мию, которая смеялась с другим. Он устроил сцену, хлопнул дверью, ревновал к какому-то Теодору, как последний мальчишка. А в это самое время его дед, его могучий, седой дед, умирал в далеком Йоркшире. Энтони стало так стыдно за собственную мелочность, что он сжал кулаки, и ногти впились в ладони. Он подошел к окну и прислонился лбом к холодному стеклу. На смену стыду пришло осознание. Отец сказал: «Ты — наследник». Он слышал эти слова всю жизнь, но лишь сейчас они обрели плоть и кровь. Это не просто титул, который даст ему право первым танцевать на балах. Это — долги, о которых он и не подозревал. Это — арендаторы, которые, возможно, голодают из-за нерадивого управляющего. Это — бунт. Настоящий бунт, с вилами и гневом. И ему, Энтони, четырнадцатилетнему мальчишке, предстоит с этим разбираться. Ему предстоит стать тем, перед кем будут заискивать, на кого будут возлагать надежды, кого, возможно, возненавидят.

Он сгребал пальцами непослушные пряди волос. Страх сковал его изнутри, холодный и липкий. Он боялся. Боялся не справиться. Боялся показаться смешным. Боялся той чужой, суровой жизни, что ждала его на севере. И сквозь весь этот хаос из стыда, долга и страха проступал один-единственный, ясный и болезненный образ. Мия. Он зажмурился. Всего неделя. Всего семь дней до бала у леди Престон. И это — его последний шанс. Его последняя ночь в том мире, который он знал. Мире, где самым страшным событием была ссора с лучшим другом. Теперь ему предстояло проститься с этим миром. И самое ужасное заключалось в том, что он не знал, как это сделать. Как сказать ей? Как выглядеть ей в глаза после сегодняшней сцены и после этой новости? Он отшатнулся от окна, подошел к письменному столу и взял в руки миниатюрный портрет деда. Суровое лицо, знакомые морщины у глаз.

«Прости, — мысленно прошептал Энтони. — Прости, что я такой... маленький».

Он опустил портрет и его взгляд упал на чистый лист бумаги, лежавший на столешнице. Рука сама потянулась к перу. Писать длинные, витиеватые объяснения не было сил. Но молчать — значило снова поступить как трус. Снова бросить ее одну в неведении, как бросил сегодня в библиотеке. Он не мог позволить, чтобы их последним воспоминанием друг о друге стала эта ссора. Он обмакнул перо в чернильницу. Его рука дрожала, оставляя на бумаге неровные строки. Он не искал красивых слов. Он писал так, как чувствовал — с болью, с искренностью, с отчаянием.

Мия,

Только что узнал. Мой дед скончался. Мы с отцом уезжаем в Йоркшир сразу после бала у леди Престон. Надолго. Месяцы, а может, и год. Я знаю, что сегодня повел себя ужасно. И теперь мне придется уехать, оставив все в таком беспорядке. Просто... я не мог не написать. Я не хочу, чтобы ты думала, что я уезжаю, сердясь на тебя. Все было не так. Совсем не так. Прости меня. За сегодня. И за то, что мне придется уехать.

Твой Энтони.

Он не стал перечитывать. Просто сложил листок, запечатал его сургучом и, высунувшись в коридор, отдал первому попавшемуся слуге.

— В дом Аблингтонов. Немедленно.

Вернувшись в комнату, он снова остался в тишине. Но теперь в ней было меньше отчаяния и больше горькой решимости. Он сделал первый шаг. Теперь ему предстояло приготовиться к самому трудному — к прощанию.

Глава 4.

Лондон 1819 год, вторник.

Мия вернулась с прогулки в состоянии полного смятения. Вежливая улыбка Теодора, колкие замечания Шарлотты и гнетущее чувство вины за уход Энтони смешались в один сплошной комок тоски. Она мечтала лишь об одном — добраться до своей комнаты, упасть на кровать и, может быть, разрешить себе наконец тихо поплакать от обиды и непонимания. Едва она переступила порог своей спальни, горничная, встревоженная и таинственная, протянула ей конверт.

— Это для вас, леди Амелия. От лорда Энтони. Его слуга ждал у дверей почти час.

Сердце Амелии отчаянно забилося. Он написал! Первым! Может быть, это письмо с извинениями, с объяснениями? Может, все еще можно исправить? Она с нетерпением разорвала конверт, жадно вглядываясь в знакомый почерк. Но чем дальше она читала, тем холоднее становилось у нее внутри.

Но чем дальше она читала, тем холоднее становилось у нее внутри.

Мия,

Только что узнал. Мой дед скончался. Мы с отцом уезжаем в Йоркшир сразу после бала у леди Престон. Надолго. Месяцы, а может, и год. Я знаю, что сегодня повел себя ужасно. И теперь мне придется уехать, оставив все в таком беспорядке. Просто... я не мог не написать. Я не хочу, чтобы ты думала, что я уезжаю, сердясь на тебя. Все было не так. Совсем не так. Прости меня. За сегодня. И за то, что мне придется уехать.

Твой Энтони.

Мия медленно опустилась на стул у туалетного столика. Листок выпал у нее из пальцев и плавно опустился на ковер. Она не плакала. Она не могла даже дышать. «Уезжаем... Надолго... Год...»

Год. Слово ударило ее с неожиданной силой. Энтони уезжал и раньше — на лето в загородное поместье, на месяц к родственникам в графство. Но тогда это были лишь паузы, наполненные ожиданием встречи и ворохом писем, которые они писали друг другу чуть ли не каждый день. Та разлука была временной, почти условной. Они оба знали, что осенью или через несколько недель все вернется на круги своя. Она дразнила его, что он соскучится, а он клятвенно обещал привезти ей какой-нибудь диковинный камень или необычное перо.

Но год... Это звучало как вечность. Это был не просто промежуток времени. Это была пропасть. За год реки меняют русло, деревья вырастают выше, а люди... люди успевают стать другими. Она сама за последний год так изменилась, вытянулась, повзрослела. А что будет через еще один? Успеет ли он стать для нее чужим? Сможет ли она, получая его письма раз в месяц, по-прежнему слышать его голос в каждой строчке? Или его образ постепенно померкнет, заслоненный яркими красками лондонской жизни, где рядом всегда будет Теодор с его готовой улыбкой и предсказуемым вниманием?

Все ее мелкие обиды и сегодняшняя ссора вдруг показались такими ничтожными, такими детскими перед лицом этого холодного, взрослого слова — «год». Он не просто уезжал. Он уносил с собой целую эпоху — эпоху их беззаботного детства, их дружбы, их «места» в библиотеке. Она подняла с пола смятый листок. Значит, их встреча на балу у леди Престон будет не примирением. Она будет прощанием. И этот бал... это будет их последний танец. Возможно, на целый год. А может, и навсегда. Впервые она осознала всю хрупкость и ценность того, что у них было. Все их ссоры, вся ревность, все обиды — все это померкло перед лицом одного-единственного слова, которое теперь висело между ними, словно приговор: «Прощай».

Встав со стула, она подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. По ее щекам потекли слезы, но она даже не замечала их. Перед ее глазами проплывали картины будущего.

Она видела себя на балах — одной, или в обществе Теодора. Видела, как приносят письма из Йоркшира, и как постепенно его почерк, его шутки становятся чужими, принадлежащими человеку, жизнь которого пошла по другому пути. А ее жизнь здесь будет продолжаться без него. Мысль о том, что он вернется и они станут чужими друг другу, была страшнее, чем сама разлука.

Она вытерла лицо и снова взяла в руки письмо. Она перечитала его раз десять, выискивая в каждой строке скрытый смысл. «Все было не так. Совсем не так». Что это значило? Что он пытался сказать? Что его ревность была не капризом, а чем-то более глубоким? Эта мысль заставила ее сердце учащенно забиться, но тут же ее охладила новая — какая разница теперь, когда он уезжает на год?

Она не могла оставаться в комнате. Ей нужно было движение, нужно было куда-то деть эту горечь, это чувство беспомощности. Она спустилась в сад и зашагала по самым дальним, самым запутанным дорожкам, где ее никто не мог найти. Она говорила с ним в мыслях, спорила, плакала, просила его не уезжать, хотя знала, что это бессмысленно.

Внезапно из-за поворота перед ней возникла высокая фигура. Мия едва не вскрикнула, поскользнувшись на мокрой гравийной дорожке. Сильная рука вовремя подхватила ее за локоть. — Леди Мия! Осторожнее. Кажется, вы куда-то очень спешите... или от чего-то бежите.

Теодор. Он смотрел на нее с выражением неподдельной тревоги, его обычно беззаботное лицо было серьезным. Его взгляд скользнул по ее заплаканным глазам, и он все понял.

— Прошу прощения, — Мия попыталась вырвать руку, но он держал ее мягко, но настойчиво. — Я... мне нужно было подышать.

— В такую погоду? — он мягко улыбнулся, снимая с себя накидку и набрасывая ей на плечи, чтобы укрыть от дождя. — Или, может быть, вам просто нужно было место, где можно спрятаться от чужих взглядов?

Его пронизательность была одновременно и утешительной, и раздражающей. Он видел ее насквозь.

— У меня... есть новости, — выдавила она, глядя куда-то мимо него. — Лорд Энтони уезжает. Надолго.

— Я знаю, — тихо ответил Теодор. — Слуги уже вовсю обсуждают. Смерть в семье... это тяжелый удар. Мне искренне жаль. — Он помолчал, давая ей время. — Но, если позволите, леди Мия, я скажу одну вещь. Иногда расстояние — это не наказание. Иногда это... возможность.»

Мия с недоумением посмотрела на него.

— Возможность? Для чего?

— Чтобы увидеть все в истинном свете, — его голос стал тихим и убедительным. — Чтобы понять, что... или кто... действительно является постоянной величиной в вашей жизни. А что было лишь мимолетной привязанностью, порожденной привычкой.

Его слова, сказанные с мягкой уверенностью, были словно яд, капля за каплей проникающий в ее и без того раненое сердце. Он не атаковал, не критиковал. Он просто предлагал другой взгляд. Опасный взгляд.

— Наша дружба — не привычка, — с вызовом сказала она, но в ее голосе не было прежней уверенности.

— Конечно, нет, — легко согласился он. — Но что есть дружба, когда один из друзей находится за сотни миль? Это тень, воспоминание. А тем временем жизнь продолжается. И те, кто рядом... они могут предложить нечто большее, чем письма из прошлого. — Он снова взял ее под руку и мягко повел обратно к дому, укрывая от дождя.

— Не заставляйте себя страдать, леди Мия. Мир не заканчивается с отъездом одного человека, даже самого близкого. Порой он только начинается.

Он проводил ее до террасы и, вежливо поклонившись, удалился. Мия стояла, сжимая в руках его накидку, все еще хранившую тепло его тела. И впервые за этот день ее страх сменился на новый, еще более гнетущий — страх перед тем, что слова Теодора могут оказаться правдой.

Она медленно вошла в дом, сняв мокрую накидку и оставив ее в прихожей. В гостиной, у камина, ее ждала леди Люси. Мать отложила в сторону книгу, и ее мудрый, спокойный взгляд сразу же нашел заплаканные глаза дочери.

— Я видела, как ты вернулась из сада, — мягко начала она. — И я получила письмо от леди Софии. Я знаю о дедке Энтони и об их отъезде.

Мия молча опустила на диван рядом с матерью. Больше не нужно было притворяться.

— Он уезжает на целый год, мама, — ее голос дрогнул. — Целый год.

— Я знаю, дорогая, — леди Люси положила руку на ее плечо. — И мне жаль, что тебе так больно. Но ты должна понять кое-что очень важное. — Она повернулась к дочери, и ее взгляд стал серьезным. — Энтони выполняет свой долг. Он становится мужчиной, главой своей семьи в будущем. И его отъезд... это не конец. Это испытание.

— Испытание для чего?» — с надеждой спросила Мия.

— Для вашей дружбы, — улыбнулась мать. — Истинная привязанность не боится расстояния. Она становится только крепче. А то, что не выдерживает разлуки... возможно, и не было таким уж прочным.

Ее слова были так похожи на слова Теодора, но звучали совершенно иначе. Он намекал на забытье, а мать говорила о верности.

— Но год... это так долго, — прошептала Мия. — Все может измениться.

— Измениться можешь и ты, моя дорогая, — ласково сказала леди Люси. — Ты вырастешь. Станешь мудрее. И когда он вернется, вы увидите друг друга уже другими людьми. И это может стать началом чего-то нового и прекрасного. Или... — она слегка вздохнула, — вы поймете, что ваши пути расходятся. И это тоже будет правильно.

Мия смотрела на огонь в камине, и в ее душе наступало спокойствие. Мать не обещала ей сказки. Она готовила ее к реальности — к боли, к трудностям, но и к возможности настоящего, взрослого чувства.

— Я не хочу, чтобы наши пути разошлись, — тихо призналась Мия.

— Тогда будь сильной, — сказала мать, обнимая ее. — Будь той, в чью верность он будет верить, находясь за сотни миль. А пока... используй эту неделю, чтобы попрощаться не с обидами, а с надеждой в сердце.

Мия кивнула, прижимаясь к матери. Да, это будет неделя прощания. Но не конца. Возможно, это было начало чего-то большего.

Поднявшись в свою комнату, Мия почувствовала необычайное спокойствие. Беспорядочная буря эмоций утихла, уступив место ясной, хоть и горькой, решимости. Она подошла к окну. Дождь уже закончился, и сквозь разорванные тучи пробивался вечерний свет, окрашивая мокрые листья сада в золото. Она достала из кармана платья смятое письмо Энтони и бережно разгладила его на столе. Каждое слово было теперь наполнено новым смыслом. Это было не прощание, а обещание. Обещание вернуться. Она села за письменный стол, взяла перо и, не раздумывая, вывела несколько строк — коротких, но безгранично искренних.

Дорогой Энтони,

Твое письмо получила. Мне так жаль о твоём дедушке. Я не хочу, чтобы ты уезжал, но я понимаю — ты должен. Я буду ждать твоего возвращения. Сколько бы времени ни прошло. И помни — какое бы расстояние ни разделяло нас, я всегда твой самый верный друг.

Твоя Мия

Она не стала перечитывать, не стала искать более красивые слова. Эти шли прямо от сердца. Она запечатала письмо и позвала горничную, чтобы та немедленно отнесла его в дом Лиммертонов. Затем она подошла к туалетному столику и открыла шкатулку, где хранила

самые дорогие сердцу безделушки — засохший цветок, сорванный во время одной из их прогулок, смешной рисунок, который Энтони нарисовал ей несколько лет назад. Туда же она положила и его письмо. Это был ее талисман. Напоминание о том, что ждать — не значит бездействовать. Ждать — значит верить.

Она подошла к зеркалу. В ее глазах больше не было слез. Была твердость. Она видела перед собой не расстроенную девочку, а молодую женщину, которая готова с достоинством принять вызов судьбы. Она дала себе слово, что за эту неделю ни одной слезы при нем. Только улыбки. Только светлые воспоминания, которые будут согревать его в долгие месяцы разлуки.

— Пожалуйста, подготовьте мое голубое шелковое платье к балу у леди Престон, — попросила она горничную, которая вернулась с подтверждением, что письмо отправлено. — И. я буду благодарна, если вы сможете мне подобрать самую элегантную прическу.

Если это их последний бал, она будет сиять для него так, как никогда прежде. Чтобы образ ее в этот вечер навсегда врезался в его память. Чтобы в холодные йоркширские вечера ему было что вспоминать. Устроившись в кресле у камина с книгой, она наконец-то нашла в себе силы улыбнуться. Пусть он уезжает. Но он берет с собой ее сердце. А ее вера будет путеводной звездой, что приведет его обратно домой.